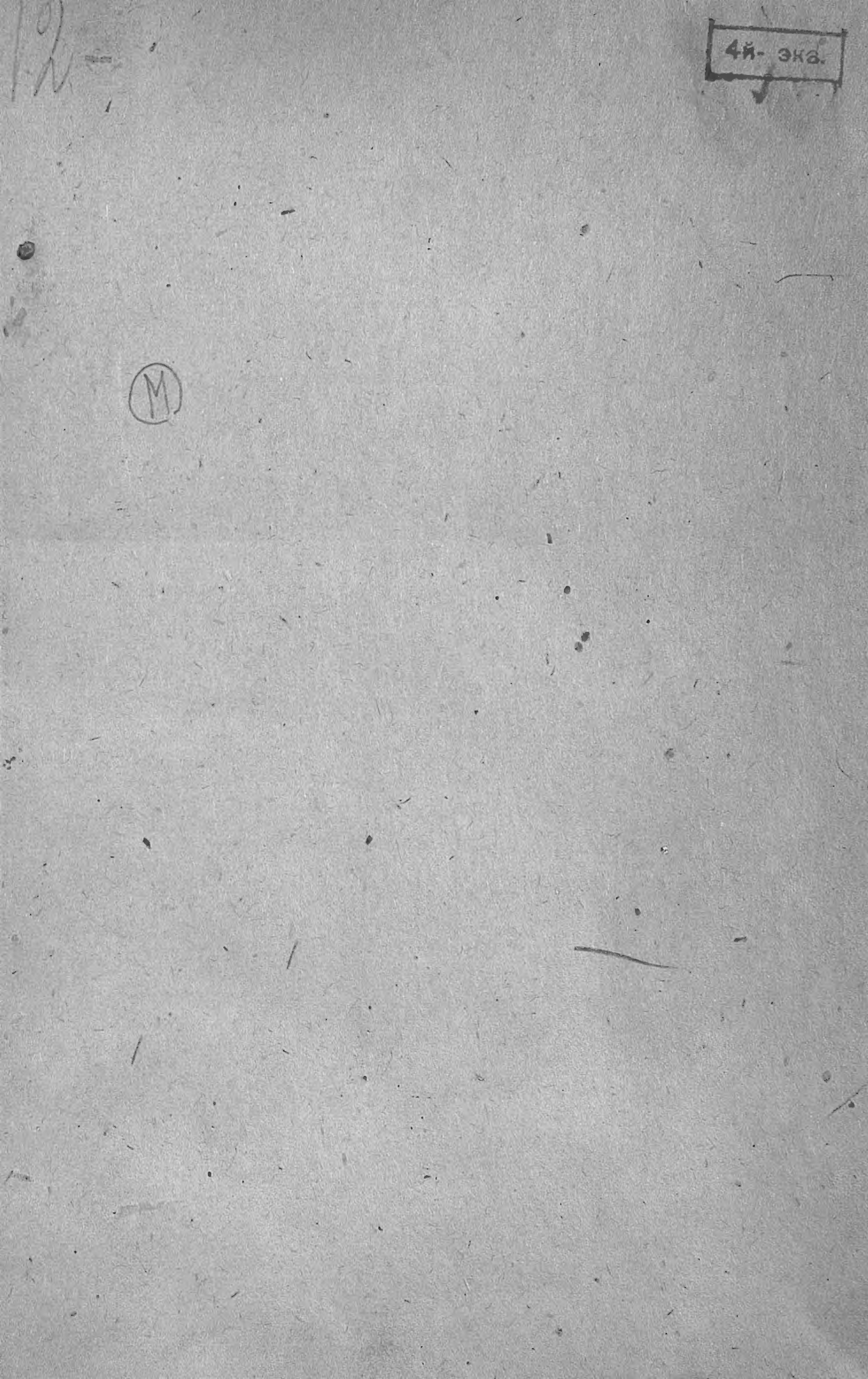

1885
w12 4

12
4й- экз.
М

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е декабря, 1885.

Засѣданія 30 октября и 6 ноября въ петербургской городской Думѣ.—Дѣятельность „партіи", объясняемая ея „программой". — Общія черты городского самоуправленія въ Москвѣ и Петербургѣ. — „Москов. Вѣдомости" по поводу ожиданія перемѣнъ въ остзейскихъ губерніяхъ.—Н. Я. Данилевскій †.—Разъясненіе одного недоразумѣнія.

Если бы достоинство учрежденія измѣрялось количествомъ посвящаемыхъ ему газетныхъ статей и разговоровъ, то Петербургъ имѣлъ бы право гордиться своимъ муниципальнымъ управленіемъ. Петербургская городская Дума давно уже не привлекала къ себѣ такъ сильно вниманіе общества, какъ въ послѣднее время. Къ сожалѣнію, это вниманіе — особеннаго свойства. Засѣданія 30 октября и 6 ноября займутъ мѣсто между самыми прискорбными страницами исторіи городского самоуправленія въ Россіи. Вопросы, подлежавшіе, въ эти дни, обсужденію Думы, были чрезвычайно просты, даже безспорны—только безспорны не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они разрѣшены Думою. Первый изъ нихъ касался совмѣстительства званія городского головы съ какими-либо иными матеріально-вознаграждаемыми званіями или должностями. Уже при выборѣ городского головы на мѣсто Н. И. Погребова, въ октябрѣ 1878 г., Дума выразила желаніе, чтобы лицо, избранное на эту должность, „посвятило всю свою дѣятельность исключительно городскому общественному управленію". То же желаніе было повторено ею передъ выборами 1881 г. Въ инструкцію городской управѣ постановлено было, въ 1883 г., включить слѣдующій параграфъ: „городской голова, товарищъ городского головы и члены городской управы не могутъ, совмѣстно съ ихъ должностью, отправлять какую-либо службу съ вознагражденіемъ въ постороннемъ вѣдомствѣ, безъ особаго, каждый разъ, разрѣшенія на то городской Думы". Передъ выборами нынѣшняго года оба кандидата на должность городского головы—баронъ П. Л. Корфъ и В. И. Лихачевъ—изъявили согласіе баллотироваться „подъ условіемъ посвятить свою дѣятельность исключительно городскому управленію" [1]). Таково было положеніе дѣлъ, когда одинъ изъ гласныхъ, Г. Н. Шауманъ, обратилъ вниманіе Думы на то, что городской голова, В. И. Лихачевъ, занимаетъ должность члена совѣта

[1]) Мы заимствуемъ эти слова буквально изъ доклада городской управы, напечатаннаго въ „Извѣстіяхъ городской Думы", № 35).

волжско-камскаго банка (должность, соединенную съ вознагражденіемъ). На это городской голова объяснилъ, что „будучи избранъ, ранѣе утвержденія его въ должности головы, членомъ совѣта волжско-камскаго банка, онъ и теперь состоитъ еще въ этомъ званіи; что засѣданія совѣта, по одному разу въ мѣсяцъ, происходятъ по вечерамъ и иногда по воскресеньямъ, и что участіе въ этихъ засѣданіяхъ нисколько не мѣшаетъ ему всецѣло и исключительно посвящать себя исполненію обязанностей городского головы“. Въ виду такого заявленія, Думѣ предстояло опредѣлить, разрѣшаетъ ли она городскому головѣ сохранить за собою званіе члена совѣта волжско-камскаго банка. Пренія по этому предмету происходили 30-го октября, подъ руководствомъ городского головы, находившаго, вопреки мнѣнію одного изъ гласныхъ, что, по закону и по разъясненію сената, онъ не имѣетъ права, въ данномъ случаѣ, уступить предсѣдательское мѣсто другому лицу. Во время преній указываемо было, съ одной стороны, на значеніе обязательства, принятаго городскимъ головой передъ выборами, съ другой—на необходимость довѣрія къ избраннику городского общества, довѣрія, исключающаго возможность внѣшняго регулированія его занятій. Въ послѣднемъ смыслѣ говорилъ, между прочимъ, самъ городской голова. Большинствомъ 163 голосовъ противъ 44 Дума разрѣшила городскому головѣ остаться членомъ совѣта волжско-камскаго банка.

Странностей во всемъ этомъ дѣлѣ, по меньшей мѣрѣ, столько же, сколько въ немъ было различныхъ фазисовъ. Крупною несообразностью представляется, прежде всего, предсѣдательство городского головы при разборѣ лично его касающагося дѣла. Законъ не можетъ предвидѣть всѣхъ случаевъ, когда городской голова долженъ передать предсѣдательство другому лицу. Статьи 51 и 52 Городового Положенія указываютъ съ достаточною ясностью на намѣреніе законодателя. Первая изъ нихъ установляетъ, что должностное лицо, объ отвѣтственности котораго идетъ рѣчь, вовсе не должно присутствовать въ собраніи; вторая устраняетъ городского голову отъ предсѣдательства въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматриваются отчеты городской управы или обсуждаются вопросы о назначеніи или размѣрѣ содержанія лицамъ общественнаго управленія. Отсюда слѣдуетъ заключить, что предсѣдательство городского головы законъ признаетъ неудобнымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ косвенно заинтересованъ въ рѣшеніи Думы. Въ засѣданіи же 30 октября предстояло постановить рѣшеніе, прямо и непосредственно касавшееся городского головы; положеніе послѣдняго подходило если не подъ буквальный, то подъ внутренній смыслъ ст. 51 и 52, и всего правильнѣе было бы, еслибы онъ не только сложилъ съ себя на время ис-

полненіе обязанностей предсѣдателя, но и удалился изъ залы засѣданія [1]). Формальное основаніе для такого образа дѣйствій онъ могъ бы найти и въ ст. 83 Городового Положенія, предусматривающей временную невозможность для городского головы предсѣдательствовать въ Думѣ „по болѣзни или по другимъ причинамъ“. Мы вполнѣ убѣждены, что если бы городской голова, на основаніи ст. 83, передалъ предсѣдательство въ Думѣ, 30 октября, своему товарищу, или заступающему мѣсто товарища, никто не увидѣлъ бы въ этомъ повода къ обжалованію—или, тѣмъ болѣе, къ отмѣнѣ—постановленія Думы, состоявшагося безъ участія городского головы; но если бы и была принесена жалоба, если бы она, паче чаянія, и была найдена основательною, городской голова во всякомъ случаѣ исполнилъ бы свой нравственный долгъ и могъ бы спокойно отнестись къ послѣдствіямъ этого исполненія. Лучше формальная ошибка въ примѣненіи закона, чѣмъ пользованіе его буквой для нарушенія его смысла. Но тутъ не было бы и формальной ошибки, такъ какъ ст. 83 вполнѣ освобождала городскаго голову отъ предсѣдательства,—если бы только онъ самъ того пожелалъ.

Центръ тяжести вопроса, разсматриваемаго по существу, лежалъ очевидно въ обязательствѣ, принятомъ на себя обоими кандидатами на званіе головы, передъ самымъ производствомъ выборовъ. Ничто не вынуждало ихъ къ этому обязательству; ничто не препятствовало имъ поставить, передъ выборами, тотъ вопросъ о довѣріи, на которомъ вращалась, полгода спустя послѣ выборовъ, защитительная рѣчь городского головы. В. И. Лихачевъ могъ тогда сказать, обращаясь къ избирателямъ: „господа, если вы довѣряете мнѣ, не стѣсняйте меня ничѣмъ въ выборѣ занятій. Вы знаете мою прошедшую дѣятельность; судите по ней, вѣроятна ли съ моей стороны небрежность въ исполненіи обязанностей по отношенію къ городу. Я занимаю такую-то должность въ банкѣ, но это почти синекура, ничуть не мѣшающая мнѣ посвятить все свое время городскимъ дѣламъ; другихъ неудобствъ для городского головы она также не представляетъ. Судите сами, есть ли здѣсь что либо несовмѣстное съ званіемъ городского головы“. На вопросъ, такимъ образомъ поставленный, гласные могли отвѣчать баллотировкой, съ полнымъ сознаніемъ ея значенія; избраніе было бы, въ такомъ случаѣ, утвердительнымъ отвѣтомъ, т.-е. уполномочіемъ на совмѣсти-

[1]) Толкованіе сенатскихъ разъясненій къ ст. 51 и 52 заставило бы насъ вдаться въ слишкомъ большія техническія подробности; замѣтимъ только, что хотя они вообще и поддерживаютъ ограничительное толкованіе закона, но ни одно изъ нихъ, насколько намъ извѣстно, не имѣло въ виду случая, вполнѣ однороднаго съ настоящимъ.

тельство. Послѣ избранія, постановка вопроса о довѣріи является запоздалой и прямо противоположной тому обѣщанію, которое было дано передъ выборами. Слово: „исключительно", употребленное въ обѣщаніи, не допускаетъ двухъ толкованій: разсматриваемое въ связи съ прежними постановленіями Думы, оно положительно устраняетъ занятіе городскимъ головою, внѣ области городского самоуправленія, какой бы то ни было платной должности. Причины этого устраненія весьма понятны; по справедливому замѣчанію барона П. Л. Корфа, здѣсь идетъ рѣчь вовсе не о регулированіи числа часовъ, отдаваемыхъ городской службѣ (нельзя же, въ самомъ дѣлѣ. обязать городского голову читать и писать только дѣловыя бумаги, бывать только въ Думѣ и управѣ, не завѣдывать ни своимъ состояніемъ, ни воспитаніемъ дѣтей, и т. п.), а о непринятіи городскимъ головою такихъ обязанностей, которыя дѣлали бы его отвѣтственнымъ за дѣла какого либо учрежденія, кромѣ города. Сведенныя къ вопросу о довѣріи, пренія 30-го октября вышли на фальшивую дорогу—неудивительно, что они получили неправильное заключеніе. Рѣшеніе Думы было, собственно говоря, заявленіемъ довѣрія (vote de confiance) къ городскому головѣ, между тѣмъ, какъ оно должно было быть торжественнымъ подтвержденіемъ принципа несовмѣстительства, давно одобреннаго Думой и красовавшагося передъ выборами на знамени обоихъ кандидатовъ въ городскіе головы.

Еще проще и яснѣе было второе дѣло, разрѣшенное Думой въ засѣданіи 6 ноября. На основаніи п. 5, ст. 18 Городового Положенія, гласные, состоящіе подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ преступныхъ дѣйствіяхъ, могущихъ повлечь за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, устраняются отъ своихъ обязанностей по общественному управленію временно, впредь до окончанія слѣдствія. Это устраненіе зависитъ, за силою того же закона, отъ городской Думы, по отношенію ко всѣмъ вообще лицамъ городского общественнаго управленія, кромѣ лишь городского головы, который временно устраняется отъ должности по опредѣленію столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія. До свѣденія Думы было доведено, что пять изъ числа гласныхъ состоятъ подъ слѣдствіемъ по дѣлу, возникшему противъ бывшихъ членовъ правленія петербургскаго городского кредитнаго общества и другихъ лицъ, служившихъ въ этомъ обществѣ. Достовѣрность этого факта, а также и принадлежность обвиненія къ числу тѣхъ, о которыхъ говорится въ п. 5, ст. 18, никто не отвергалъ; споръ завязался только о томъ, обязана ли Дума постановить о временномъ устраненіи гласныхъ, находящихся подъ слѣдствіемъ, или имѣетъ на то только право, которымъ можетъ и не воспользоваться. Намъ кажется, что смыслъ закона не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ

сомнѣній; гласные, подходящіе подъ его дѣйствіе, сказано въ законѣ, устраняются—а не сказано: могутъ быть устранены—отъ обязанностей по общественному управленію. Дума должна только убѣдиться, дѣйствительно ли данное лицо состоитъ подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ преступленіи, влекущемъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, и, въ случаѣ утвердительнаго разрѣшенія этого вопроса—принять требуемую закономъ мѣру. Въ этомъ только смыслѣ отъ нея „зависитъ" устраненіе гласнаго. Всякое другое разрѣшеніе вопроса привело бы къ тому, что Дума стала бы словно повѣрять дѣйствія обвинительной власти и судебнаго слѣдователя, взвѣшивать, въ одно время съ ними, тяжесть уликъ, имѣющихся противъ обвиняемыхъ и заниматься всѣмъ этимъ, въ добавокъ, не имѣя ни точныхъ свѣденій о положеніи дѣла, ни навыка въ опредѣленіи силы доказательствъ. Неизбѣжность такого вторженія въ чужую область подтвердилась и 6-го ноября; одинъ изъ думскихъ ораторовъ, приглашая Думу слѣдовать не только писанному, но и нравственному закону, прямо провозгласилъ обвиняемыхъ гласныхъ „невиновными въ дѣлѣ, къ которому они привлечены". Рѣшительное значеніе имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, то постановленіе закона, которое возлагаетъ устраненіе городского головы, въ случаѣ привлеченія его къ слѣдствію, на столичное по городскимъ дѣламъ присутствіе. Можно, пожалуй, утверждать—хотя и съ величайшей натяжкой,—что устраненіе или неустраненіе гласныхъ законъ имѣлъ въ виду предоставить усмотрѣнію товарищей ихъ, лучше всего знакомыхъ съ ихъ дѣятельностью, съ ихъ личными качествами; но уже совершенно немыслимымъ является облеченіе такою дискреціонною властью присутственнаго мѣста, менѣе всего призваннаго постановлять рѣшенія по совѣсти, по душѣ. Стоитъ только вообразить себѣ, что отъ произвола столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія зависѣло бы устранить или не устранить городского голову, находящагося подъ слѣдствіемъ по важному уголовному дѣлу, чтобы понять, куда ведетъ опровергаемая нами теорія. Вѣдь это значило бы признать за присутствіемъ право оставить во главѣ Думы такое лицо, противъ котораго слѣдствіе возбуждено по иниціативѣ самой Думы, которому Дума ни въ чемъ не довѣряетъ! Хорошо было бы положеніе Думы, обязанной подчиняться руководству заподозрѣннаго и обвиняемаго ею городского головы! А между тѣмъ полномочія городского присутствія по отношенію къ устраненію городского головы совершенно одинаковы съ тѣми, которыя принадлежатъ Думѣ по отношенію къ другимъ гласнымъ... Какъ бы то ни было, за право Думы не устранять гласныхъ, находящихся подъ слѣдствіемъ, высказалось нѣсколько ораторовъ, высказался самъ

городской голова, пытавшійся прекратить пренія уже въ самомъ ихъ началѣ, высказалось, наконецъ, и большинство голосовъ (125 противъ 71)! Какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ гласныхъ, Дума собственно баллотировала вопросъ: слѣдуетъ ли удовлетворить требованіе закона—и дала отрицательный отвѣтъ! Теперь остается ожидать, какъ отнесется къ такому событію присутствіе по городскимъ дѣламъ: опротестуетъ оно вышеупомянутое постановленіе, или нѣтъ? На присутствіи лежитъ обязанность слѣдить за законностью постановленій Думы.

Чтобы правильно оцѣнить значеніе всѣхъ подобныхъ печальныхъ эпизодовъ и еще болѣе печальныхъ рѣшеній, ознаменовавшихъ собою засѣданія 30 октября и 6 ноября, нужно возвратиться къ избирательной борьбѣ, происходившей въ мартѣ и апрѣлѣ нынѣшняго года. Въ нашей апрѣльской хроникѣ было выражено впечатлѣніе, произведенное началомъ выборовъ, т.-е. выборами гласныхъ по первому разряду. „Бóльшее изъ двухъ золъ,—замѣтили мы тогда,—всегда заставляетъ жалѣть о меньшемъ; отсутствіе крѣпко сплоченныхъ, правильно организованныхъ партій отзывалось иногда неблагопріятно на городскихъ выборахъ, а потомъ и на дѣятельности городской Думы — но оно было въ тысячу разъ лучше, чѣмъ существованіе такой партіи, которая побѣдила на выборахъ 11 (16) марта". Началу соотвѣтствовалъ конецъ; торжество „партіи" на выборахъ оказалось полнымъ —а теперь мы присутствуемъ при торжествѣ ея въ Думѣ... Образъ дѣйствій партіи предрѣшается, въ значительной степени, цѣлью, во имя которой она образовалась. Какую же цѣль имѣла въ виду партія, заполонившая петербургскую Думу? Собственная „программа" партіи опредѣляла эту цѣль слѣдующимъ образомъ; „выбрать въ Думу такихъ, достойныхъ почтенія лицъ, которыя, по мнѣнію партіи, могутъ принести дѣйствительную пользу интересамъ города въ матеріальномъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи, и которыя имѣютъ усердное желаніе къ тому". Очевидно, что это опредѣленіе ровно ничего не опредѣляло: „люди достойные почтенія", „дѣйствительная польза городскимъ интересамъ"—все это понятія условныя, относительныя, за которыми можетъ скрываться самое разнообразное содержаніе. Знаменательными — и откровенными — представляются здѣсь только три слова: по мнѣнію партіи, въ особенности если сопоставить ихъ съ параграфомъ программы, озаглавленнымъ: „организація партіи", и возлагающимъ трудъ вербовки членовъ и сплоченіе ихъ въ одно цѣлое на небольшой кругъ „энергичныхъ лицъ, знакомыхъ съ людьми и дѣломъ". Выходитъ, такимъ образомъ, слѣдующее: партіи еще нѣтъ, нѣтъ и знамени, девиза, вокругъ которыхъ она могла бы образоваться—но есть уже мнѣніе партіи, представ-

ляемое нѣсколькими „энергичными лицами“, и рѣшающее, въ каждомъ данномъ случаѣ, вопросъ о правѣ на „почтеніе“ и объ ожидаемой „дѣйствительной пользѣ“. На способъ рѣшенія этого вопроса указываетъ, до извѣстной степени, примѣчаніе къ четвертому „правилу“ программы: „о партіи слѣдуетъ судить не по нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, принадлежащимъ къ ней, но по всѣмъ лицамъ, въ совокупности, составляющимъ ее“. Предполагалось, слѣдовательно, что между членами „партіи“ окажутся и такіе, которые внушатъ избирателямъ не „почтеніе“, а противоположное чувство—и избиратели заранѣе увѣщевались проглотить ложку дегтя вмѣстѣ съ бочкой меду. Неразборчивость, выразившаяся въ этомъ „правилѣ“, сдѣлается вполнѣ понятной, если обратить вниманіе на то, чего „партія“ требовала отъ своихъ членовъ. Требованія эти сводились къ двумъ пунктамъ: полнѣйшей дисциплинѣ („кто желаетъ быть выбраннымъ партіей, тотъ безусловно и исключительно долженъ принадлежать къ партіи при выборахъ“) и добыванію голосовъ, т.-е. избирательныхъ довѣренностей. Кто знакомъ хоть сколько-нибудь съ нашими земскими и городскими выборами, тотъ знаетъ, что „добываніе довѣренностей“ составляетъ чуть ли не главную ихъ язву [1]); именно этимъ путемъ успѣхъ, сплошь и рядомъ, достается не болѣе достойнымъ, а болѣе... расторопнымъ. Намѣтить лѣнивыхъ и равнодушныхъ избирателей, найти къ нимъ доступъ и дорогу, обѣгать ихъ домà, выпросить у нихъ ничѣмъ неограниченное полномочіе—все это требуетъ массы труда, и притомъ труда, за который возьмется далеко не всякій. Сказать своимъ сподвижникамъ: „достань столько-то голосовъ, иначе ты не будешь выбранъ“, значитъ—заранѣе извратить ходъ и исходъ выборовъ, внести въ нихъ элементъ искусственности, провозгласить принципъ служенія не дѣлу, а лицамъ. Этотъ же принципъ вытекаетъ и изъ требованія дисциплины, въ томъ видѣ, въ какомъ оно поставлено программой „партіи“. Понятна и законна дисциплина только тогда, когда она установляется для достиженія общей цѣли, для дружнаго стремленія къ общимъ интересамъ, одинаково близкимъ и дорогимъ каждому члену партіи. Руководителямъ партіи предоставляется, при такихъ условіяхъ, только выборъ средствъ, выборъ удобнаго момента и удобнаго пути для дѣйствія; только въ этомъ отношеніи члены партіи жертвуютъ, до извѣстной степени, собственнымъ мнѣніемъ и свободой воли. Другое дѣло — подчиниться нѣсколькимъ „энергичнымъ“, но неизвѣстно къ чему стремящимся лицамъ, только для того, чтобы самому быть выбраннымъ. Въ средѣ лицъ, соединенныхъ только такою связью, дисци-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 8 „В. Е.“ за 1884.

плина равносильна отреченію отъ всякой заботы объ общемъ дѣлѣ, общемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, а не съ точки зрѣнія „партіи“.

Возможно ли, однако, существованіе у насъ, на земской или городской почвѣ, настоящей партіи, т.-е. группы лицъ, соединенныхъ общностью взглядовъ и стремленій? По нашему мнѣнію—вполнѣ возможно. Спѣшимъ прибавить, что слову: партія, мы не придаемъ здѣсь никакого политическаго значенія, что условіемъ образованія партіи мы и не думаемъ признавать, въ данномъ случаѣ, намѣреніе выйти за черту законной компетентности земскихъ и городскихъ учрежденій. Внутри этой черты есть множество вопросовъ достаточно важныхъ и достаточно спорныхъ, чтобы служить поводомъ къ раздѣленію на партіи. Исторія нашихъ городовъ, тѣмъ болѣе—нашего земства, представляетъ уже теперь не мало примѣровъ появленія подобныхъ партій, замкнутыхъ въ небольшой кругъ дѣйствій и, большею частью, вовсе неизвѣстныхъ за его предѣлами. Къ борьбѣ изъ-за мѣстъ, изъ-за вліянія и власти часто присоединялся элементъ болѣе серьезный; случалось и такъ, что онъ бралъ верхъ надъ остальными и становился осью, около которой вращалось, въ данной мѣстности, городское или земское самоуправленіе. Въ особенности замѣтными столкновенія такихъ партій были въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, дѣятельность которыхъ больше на виду, чаще обращаетъ на себя вниманіе газетъ и журналовъ [1]); достаточно напомнить войну изъ-за земской статистики въ губернскихъ собраніяхъ черниговскомъ, рязанскомъ, саратовскомъ, или споры о всесословной волости и вообще объ устройствѣ мѣстнаго управленія въ губернскихъ собраніяхъ московскомъ, петербургскомъ, казанскомъ, тверскомъ, симбирскомъ. Автору этихъ строкъ, участвовавшему одно время въ петербургскомъ губернскомъ собраніи, особенно памятна сессія 1881—2 г., по крайней мѣрѣ, на половину посвященная вопросамъ чисто принципіальнаго свойства. Въ спорахъ объ этихъ вопросахъ очень ясно выражались два направленія, прямо противоположныя одно другому [2]). Не мало подобныхъ вопросовъ найдется и въ области городского самоуправленія, въ особенности столичнаго. Назовемъ, для примѣра, вопросы о пересмотрѣ всей системы городскихъ сборовъ, о квартирномъ налогѣ, о соединенномъ съ нимъ измѣненіи избирательной системы. Группировка на партіи возможна даже по вопросамъ болѣе частнымъ, чисто хозяйственнаго свойства. Еслибы нѣсколько отдѣльныхъ лицъ

---

[1]) Исторія послѣднихъ выборовъ въ московское уѣздное земское собраніе, доставившихъ побѣду партіи фабрикантовъ надъ союзомъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что борьба за принципъ не чужда и уѣзднымъ земствамъ.

[2]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 3 „В. Е.“ за 1882 г.

составили списокъ предпріятій, особенно необходимыхъ или полезныхъ для столицы (канализація, улучшеніе мостовыхъ и переводъ ихъ на денежную повинность, усиленіе санитарныхъ мѣръ, устройство народнаго театра, народныхъ кухонъ или столовыхъ, постройка домовъ для рабочихъ и т. п.), указали, въ главныхъ чертахъ, способъ ихъ осуществленія и затѣмъ обратились къ избирателямъ съ совѣтомъ выбирать въ гласные только тѣхъ, кто обяжется дѣйствовать именно въ такомъ смыслѣ—въ этомъ не было бы ничего ненормальнаго, непрактичнаго. Одной программѣ могла бы быть противопоставлена другая, третья и т. д.—и выборы сдѣлались бы сознательными, въ Думѣ могли бы образоваться партіи, достойныя этого названія. Не то мы видимъ теперь. Побѣдивъ не во имя принципа, а во имя безпринципности, образовавшись и укрѣпившись на почвѣ взаимныхъ услугъ (т.-е. взаимнаго проведенія въ гласные), торжествующая партія остается на этой почвѣ и въ настоящее время. Допущеніе совмѣстительства, неустраненіе гласныхъ, находящихся подъ слѣдствіемъ,—все это результаты и проявленія того начала, которымъ вдохновлялось большинство избирателей, шествуя „сомкнутымъ строемъ“, „рядами и шеренгами“, къ избирательнымъ урнамъ. Личный вопросъ, поставленный на выборахъ, продолжаетъ стоять на первомъ планѣ и въ Думѣ—и не сойдетъ съ него до тѣхъ поръ, пока не рушится „партія“. Не слѣдуетъ ли видѣть начало ея крушенія въ значительной разницѣ цифръ, данныхъ голосованіями 30 октября и 6 ноября (большинство понизилось съ 163 до 125, меньшинство повысилось съ 44 до 71), или это только счастливая случайность?—на этотъ вопросъ можетъ отвѣтить только время.

Московская городская Дума представляетъ, со времени послѣднихъ выборовъ, много общаго съ петербургскою. Какъ и въ Петербургѣ, побѣда господствующей „партіи“ рѣшена была въ Москвѣ прежде всего и больше всего первымъ разрядомъ избирателей; какъ и въ Петербургѣ, сильнѣйшимъ орудіемъ борьбы было „добываніе довѣренностей“; какъ и въ Петербургѣ, рѣшающее вліяніе далеко не всегда оказывалось на сторонѣ интересовъ города, интересовъ массы населенія. Главная разница между Москвою и Петербургомъ заключается въ томъ, что въ первой гораздо больше бросается въ глаза сословный вопросъ. Выборы 1884 г. окончились тамъ торжествомъ купечества, типичнымъ представителемъ котораго, судя по московскимъ сообщеніямъ, можетъ считаться новый московскій городской голова, г. Алексѣевъ (игравшій большую роль въ упомянутой нами борьбѣ фабрикантовъ противъ прежнихъ руководителей московскаго

уѣзднаго земства). Разница, однако, оказывается скорѣе наружной, чѣмъ внутренней: „правящіе элементы“ обоихъ столичныхъ муниципалитетовъ очень похожи другъ на друга. Петербургская „партія“, насколько можно судить по ея дебютамъ, далеко не чужда тѣхъ свойствъ, которыми отличается наше купечество, какъ сословіе: холодности къ общественному дѣлу и равнодушія къ принципамъ, за исключеніемъ развѣ двухъ, выражающихся поговорками: „рука руку моетъ“ и „своя рука—владыка“. Быть можетъ, обстоятельства данной минуты благопріятствуютъ торжеству этого типа, въ разныхъ его видахъ и формахъ; но едва ли можно отрицать, что въ области городского самоуправленія передъ нимъ растворяетъ настежъ всѣ двери избирательная система, негодность и несостоятельность которой давно уже стоитъ внѣ всякаго спора. Все дѣлающееся теперь въ Москвѣ и Петербургѣ составляетъ длинную цѣпь неотразимыхъ доводовъ въ пользу пересмотра Городового Положенія.

Если пересмотръ Городового Положенія будетъ предпринятъ, то неминуемо долженъ возникнуть—какъ это уже и случилось во время работъ Кахановской коммиссіи — вопросъ объ усиленіи правительственнаго контроля надъ городскимъ самоуправленіемъ. Не касаясь пока этого вопроса, замѣтимъ только, что правительственный контроль существуетъ и теперь, но, по странному стеченію обстоятельствъ, проявляется, большею частью, не тогда и не тамъ, когда и гдѣ это въ особенности желательно. Всѣмъ памятны административные протесты противъ постановленій Думы, по меньшей мѣрѣ совершенно безвредныхъ и копѣечныхъ — но о протестѣ, напримѣръ, противъ безпорядковъ, происходившихъ на послѣднихъ выборахъ въ Москвѣ и Петербургѣ, что-то не было слышно. Оригинальное замѣчаніе по этому предмету мы встрѣтили въ одной петербургской газетѣ. „Петербургскому градоначальнику,—говоритъ она,—и своего дѣла довольно, такъ что слѣдить за юркостью и хищными инстинктами (господствующей въ Думѣ партіи) у него не хватало времени. Его протесты, далѣе, касаются только чисто полицейскихъ интересовъ; пятнадцатилѣтняя практика такъ сложилась, что градоначальству мало дѣла, когда нарушаются существенные интересы жителей и когда городской кассѣ грозитъ серьезная опасность“. Отсюда газета выводитъ необходимость назначенія особаго правительственнаго коммиссара, который бы слѣдилъ спеціально за дѣятельностью городского самоуправленія и отвѣчалъ бы за оставленныя безъ протеста явныя нарушенія закона. Но развѣ охраненіе интересовъ столичнаго населенія—не свое дѣло для градоначальника? Развѣ послѣдній—только оберъ-полиціймейстеръ, и ничего болѣе? Развѣ „пятнадцатилѣтняя практика“—если и допустить ея существованіе—не можетъ

быть измѣнена, сообразно съ требованіями времени? Развѣ трудъ просмотра, въ теченіе недѣли, одного или двухъ думскихъ журналовъ такъ великъ, что для него необходимо особое лицо? Неужели постановленія Думы, о которыхъ толкуетъ весь городъ, остаются незамѣченными только въ одномъ домѣ на Адмиралтейской площади? Все это—чистая фантазія той газеты, а потому намъ кажется, что назначеніе „особаго коммиссара" только обострило бы отношенія города къ администраціи, безъ всякой существенной выгоды для городскихъ жителей; болѣе чѣмъ вѣроятно, что „коммиссаръ", съ цѣлью доказать свою бдительность, слишкомъ легко сталъ бы возбуждать конфликты съ городскимъ самоуправленіемъ. Гораздо больше пользы—въ ожиданіи коренныхъ перемѣнъ въ Городовомъ Положеніи—могло бы принести, по нашему мнѣнію, изданіе закона, уполномочивающаго министерство внутреннихъ дѣлъ распускать городскія Думы и земскія собранія раньше срока, на который они выбраны, съ тѣмъ, конечно, чтобы немедленно были назначены новые выборы. Самостоятельность земскихъ и городскихъ учрежденій эта мѣра ни мало не ограничила бы, уже потому, что она примѣнялась бы, безъ сомнѣнія, только въ рѣдкихъ случаяхъ—а между тѣмъ, она позволила бы правительству освободить городъ, уѣздъ или губернію отъ управленія, дѣйствующаго въ ущербъ общимъ интересамъ населенія. Особенно цѣлесообразной она представлялась бы въ тѣхъ случаяхъ, когда выборы произведены явно неправильно, съ допущеніемъ вопіющихъ злоупотребленій (припомнимъ хоть бы исторію духовщинскаго уѣзднаго земства, завоеваннаго купцемъ Хлудовымъ), а формальное раскрытіе этихъ злоупотребленій крайне затруднительно или требуетъ много времени—почти столько же, сколько продолжается періодъ полномочій собранія.

Наше внутреннее обозрѣніе было уже въ печати, когда мы прочли передовую статью „Московскихъ Вѣдомостей" по поводу призыва Н. А. Манассеина къ управленію министерствомъ юстиціи. Новаго въ ней нѣтъ ничего, но никогда, кажется, извѣстная доктрина не высказывалась такъ прямо и не проводилась такъ прямолинейно. „Судебные, какъ и всякіе уставы, не для верховной власти писаны. Они даются ею для подвластныхъ ей властей. Русскій Самодержецъ можетъ, не стѣсняясь никакими формальностями, не нуждаясь ни въ какомъ уставѣ, поправлять всякую несправедливость и пресѣкать всякое зло; для него нѣтъ ни судей несмѣняемыхъ, ни судебныхъ рѣшеній неотмѣнимыхъ". Законъ 20 мая 1885 г. московская газета иронически называетъ „увѣнчаніемъ величественнаго зданія само-

державной судебной республики (!)... Судебная корпорація взялась сама расправляться съ своими членами, лишь бы государство не мѣшалось въ ея дѣла и оставалось о-бокъ, въ сторонѣ. Но, для сохраненія приличія, Императору Всероссійскому предоставлено имѣть два (?) голоса въ этомъ августѣйшемъ инквизиціонномъ судилищѣ, хотя непремѣнно изъ числа кассаціонныхъ сенаторовъ"... Такія статьи нельзя писать безъ искаженія закона, а потому и здѣсь, по обыкновенію, искаженъ не только уже смыслъ, но и текстъ закона. Высочайшею властью назначаются ежегодно въ составъ высшаго дисциплинарнаго присутствія не двое, а четверо сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ. Членами высшаго дисциплинарнаго присутствія являются, далѣе, всѣ сенаторы соединеннаго присутствія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ—а кѣмъ же опредѣляется ежегодно составъ этого присутствія, какъ не Высочайшею властью? Остальные два члена дисциплинарнаго присутствія—первоприсутствующіе кассаціонныхъ департаментовъ, призванные къ своему высокому званію личнымъ довѣріемъ Государя. И въ виду всего этого рѣшаются говорить объ увѣнчаніи зданія „судебной республики", о „двухъ" голосахъ, предоставленныхъ ею Императору Всероссійскому? Настоящее имя для такой дерзости пускай пріищутъ сами читатели... „Незадолго предъ тѣмъ,—продолжаетъ та же правдивая газета,—когда устраивалась на новыхъ основаніяхъ коммиссія прошеній, было устроено такъ, чтобъ она не принимала никакихъ жалобъ на рѣшенія судебныхъ мѣстъ". Всякому, хоть сколько-нибудь знакомому съ прежнимъ и нынѣшнимъ устройствомъ коммиссіи прошеній, очень хорошо извѣстно, что законъ 1884 г. не произвелъ въ ея кругѣ никакой существенной перемѣны. Прежде она не принимала жалобъ на рѣшенія новыхъ судебныхъ мѣстъ, учрежденныхъ на основаніи уставовъ 1864 г.—и теперь ихъ не принимаетъ; что касается до жалобъ на такъ-называемые старые департаменты сената, то онѣ принимаются и теперь, какъ принимались прежде. Что же означаетъ и какъ квалифицируется намекъ московской газеты?

Связывая, и не безъ основанія, назначеніе Н. А. Манассеина съ перемѣнами, предстоящими въ остзейскомъ краѣ, „Московскія Вѣдомости" находятъ, что безобразія балтійскихъ порядковъ ничто въ сравненіи съ аномаліями, существующими въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Само собою разумѣется, что первая и главная изъ этихъ аномалій—опять таки „самодержавіе судебной республики". Нужно сперва ее уничтожить, и потомъ уже думать о распространеніи на прибалтійскій край общихъ учрежденій имперіи... Справедливо здѣсь только то, что вопросъ о реформахъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ состоитъ въ тѣсной, неразрывной связи съ общимъ направленіемъ

государственной политики. Нельзя, напримѣръ, положить конецъ всемогуществу остзейскихъ бароновъ—и въ то же самое время отдать все мѣстное управленіе, въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, въ руки дворянства. Мы также желаемъ сближенія остзейскихъ губерній съ остальной Россіи—но такого сближенія, которое ни въ чемъ не было бы для первыхъ—шагомъ назадъ, перемѣной къ худшему. Только при этомъ условіи объединеніе окраинъ можетъ быть плодотворно и прочно. Чрезвычайно прискорбной, напримѣръ, была бы отмѣна, въ видахъ возстановленія внѣшняго единства, того порядка, который установился въ остзейскихъ губерніяхъ—если не de jure, то de facto, по отношенію къ смѣшаннымъ бракамъ [1]). Не въ ограниченіи вѣротерпимости, а въ расширеніи ея заключается залогъ гармоніи между національностями и племенами, входящими въ составъ русской имперіи.

Давно уже порѣдѣвшіе ряды славянофильской группы лишились еще одного борца, стоявшаго въ первой линіи ихъ; скончался Н. Я. Данилевскій, многолѣтній сотрудникъ славянофильскихъ изданій, извѣстный въ особенности обширнымъ сочиненіемъ: „Россія и Европа“. Какова бы ни была внутренняя цѣнность тезисовъ, поддерживаемыхъ этою книгой,—въ большой эрудиціи, въ дарѣ яснаго, легкаго изложенія, въ искренности и твердости убѣжденій автору ея ни въ какомъ случаѣ отказать нельзя. Большой его заслугой было то, что онъ стоялъ за свободу мнѣній, стоялъ за нее даже въ богословской области; полемизируя съ г. Владиміромъ Соловьевымъ объ отношеніи православной церкви къ католической, онъ провозглашалъ еще недавно необходимость полнаго простора въ обсужденіи церковныхъ и религіозныхъ вопросовъ и выражалъ сожалѣніе о запретѣ положенномъ на послѣднія произведенія графа Л. Н. Толстого [2]). На одностороннность воззрѣній Н. Я. Данилевскаго, мы имѣли случай указать въ одной изъ нашихъ общественныхъ хроникъ (1885 г. № 1), по поводу его статьи о происхожденіи нигилизма; но эта односторонность являлась логическимъ результатомъ его исходной точки, общимъ достояніемъ партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Въ его пассивѣ нѣтъ тѣхъ ошибокъ и противорѣчій, которыми такъ богата исторія нашего неославянофильства.

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду разрѣшеніе лютеранамъ, вступающимъ въ бракъ съ православными, воспитывать дѣтей, рождающихся отъ такого брака, въ догматахъ лютеранскаго вѣроисповѣданія.

[2]) См. Обществ. Хронику въ № 8 „В. Е.“ за 1885 г.

Говоря, въ прошедшій разъ, о процессѣ Головачева, мы согласились съ замѣчаніями „Новостей“ о преимуществѣ „явочной“ системы передъ разрѣшительною, но сдѣлали оговорку, „что ошибочно было бы ожидать слишкомъ многаго“ отъ замѣны послѣдней системы первою. Эту оговорку „Новости“, къ большому удивленію нашему, толкуютъ въ смыслѣ принципіальнаго возраженія противъ явочной системы. Въ такое противорѣчіе съ самими собою мы впасть не могли; наша мысль заключалась и заключается только въ томъ, что достаточной гарантіи противъ злоупотребленій распространеніе „явочной“ системы, даже самое широкое, не представляетъ; очевидно, что это—отнюдь не возраженіе противъ „явочной“ системы. „Новости“ считаютъ нужнымъ увѣрять, что онѣ не „проглядѣли“ значенія гласности и большей служебной отвѣтственности, какъ средствъ предупрежденія и раскрытія служебныхъ преступленій; но мы никогда ихъ ни въ чемъ подобномъ и не обвиняли. Мысль о значеніи, въ этой сферѣ, гласности и отвѣтственности принадлежитъ столь же мало намъ, какъ и „Новостямъ“; она находится въ обращеніи съ тѣхъ поръ, какъ изыскиваются средства для упорядоченія дѣятельности должностныхъ лицъ—и если намъ, наравнѣ съ „Новостями“, часто приходится къ ней возвращаться, то только потому, что она все еще недостаточно проникла въ законодательство и въ жизнь, а новыя доказательства въ ея пользу дѣйствительность создаетъ на каждомъ шагу.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

